

Алексей Бессонов

**Королевский
инженер**

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б53

Оформление серии «Русский фантастический боевик»
С. Шикина

Серия основана в 2005 году

Оформление серии «Абсолютное оружие»
А. Саукова

Серия основана в 1996 году

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Бессонов, Алексей Игоревич.

Б53 Королевский инженер : [фантастический роман] /
Алексей Бессонов. — Москва : Эксмо, 2017. — 416 с.

ISBN 978-5-699-94775-1 (Русский фантастический боевик)
ISBN 978-5-699-95107-9 (Абсолютное оружие)

Двадцать лет назад Юг страны заявил о неподчинении Трону, и благодатные земли процветающей Пеллии охватило безумие войны. На стороне Претендентов оказались не только предатели-аристократы, но и самое мерзкое отребье, греющее руки на чужой крови. Рушились города, пылали селенья, озверевшие бандиты уничтожали всех, кто оказался на их пути. Судьба королевского инженера Арвела Хаддена отвела ему решающую роль в последних сражениях затянувшегося противостояния. Талантливый изобретатель со своими отважными соратниками в самой грозной ситуации совершал то, что назвать можно было только чудом...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94775-1
(Русский фантастический боевик)
ISBN 978-5-699-95107-9
(Абсолютное оружие)

© Бессонов А. И., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

КОГДА ПРОБЬЮТ ЧАСЫ

Зима в тот год была обильна дождями, а весеннее солнце пришло много позже обычного. Миновал уже день Дайен, богини злаков, и землепашцы острова Ленц, по колено утопая в грязи, бродили по своим полям, с ненавистью глядя на юг, который все держал при себе ветры, приносящие тепло, так необходимое для начала полевой.

Весна пришла неожиданно, и старики потом говорили, что раньше такого на острове не видали. Еще вечером селяне-арендаторы сидели кто дома с семьями, кто, напротив, в тавернах — и все старались сесть поближе к очагу, потому как вечер тот был мерзок дождем и почти осенним свистом ветра, — а к утру солнце встало на летний манер.

И с юга дунуло жаром, как из печки.

Утро это оказалось восхитительным. Жители хутора Доркал, люди солидные, с давних пор державшие немало земли в собственности, вышли за ворота, не веря своим глазам от счастья: ветер гнал влагу прочь, над полями таяла легкая дымка, говорящая о том, что озимые встанут в срок. Туман таял, и таял быстро — однако неторопливый перестук копыт по брусчатке древнего королевского тракта, который как бы срезал край Доркала,

деля его на две неравные части, заставил кое-каких хуторян схватить из дому алебарды и затаиться в кустах на обочине. Время было тяжкое, даже слишком.

Копыта звучали глухо — понятно было лишь, что кони идут медленно, а вот сколько их, тут уж в рассветном тумане решить трудно. Семеро молодых парней, один из которых целых два года проходил в королевских пехотинцах, а теперь слыл за могучего рубаку, засели в густых зарослях шиповника и, едва дыша, принялись ждать: то ли смерти, то ли, может быть, нет.

Двадцать лет затянувшейся войны научили их всегда ожидать худшего.

Вскоре из рваных, быстро тающих ключев субтропического тумана, так характерного для Средней Пеллии, неторопливо вышел огромный черный ломовик южной породы, гонять которого под седлом не пришло бы в голову даже сумасшедшему. Между тем чудовищных размеров конь нес на себе дорогое, обшитое красной кожей седло, в котором болтался очень странный человек: он был из хозяев и долговяз, из доспеха на нем виднелся лишь легкий чешуйчатый панцирь, зато на поясе висели два длинных меча в позолоченных ножнах, что говорило о значительных финансовых возможностях седока, а по верх одного из вьюков, которые буквально облепили коня со всех сторон, красовался сферический шлем очень дорогой работы. Следом за черным чудищем шел на привязи еще один конь, почти такой же, только серый, а за ним — два поджарых жеребца, вполне годных в кавалерию. На одном из них, зыряка глазами по сторонам, сидел мальчишка в легком шлеме, держащий в правой руке длинный пистолет. Шнур фитиля был намотан на его правую руку.

Юные хуторяне дождались, когда процессия снова растает в тумане, и облегченно выдохнули. Зрелище оказалось удивительным: пожалуй, его хватило бы на несколько вечеров в местной таверне. Стук копыт утих,

туман становился все реже, и скоро от него не осталось уже совсем ничего.

— На Юлих пошел, — со знанием дела сказал бывший королевский алебардьер, оглаживая короткие пока еще усы. — В город, значит. Из порта.

— Кони-то какие у него, — пискнул кто-то. — Не ездят у нас на таких конях.

— Что ты знаешь, дурень, — щелкнул его по носу усач. — Значок зеленый на плече видел? Университетский он, офицер-инженер. А о конях его — тебе, что ли, недоумку, судить? На каких конях его милости господину инженеру ездить — то ему решать. Перед такими полковые командиры спину гнут. Иди — поступи в королевский университет да закончи лет через десять. Университеты у нас в Пеллии для всех открыты, сам знаешь: хоть для нищих. А ты иди поступи. Богат умом будешь — тебе король стипендию даст. Тогда и о конях поспорим...

— А кормить его кто будет? — недовольно спросил кто-то сзади. — Болтаешь ты после войск, Эрнер, много болтаешь!

— Может, кулаком тебя подкормить? — удивился алебардьер. — Или напомнить, как Маллан, со мной вместе завербовался, — как год отслужили, экзамен сдал, пошел в офицерскую школу и теперь, в отличие от тебя, быка безрогого, — господин королевский лейтенант. С серебра кушает и в золоте ходит. А молитвы хуже всех учил. Зато с математикой дружил. А ты мне поговори еще, поговори, я свой пенсион за ранения недаром получаю — рукой накормлю так, что неба не увидишь.

* * *

Когда-то, в давно минувшие эпохи, грозный владелец Срединных Островов Эрн Гнилое Ухо потерпел горькое поражение в бухте Менс: войско его, состоявшее из отборной латной конницы и небольшого количества

наемной пехоты, было разбито высадившимися пиратами с островов Галли. Эрн отступил в глубь Ленца, отправил через северный порт Вилберн гонца в столицу, а сам, не рассчитывая на помощь Трона, собрал всех окрестных владетелей и потребовал от них выделить мастеровых людей для строительства крепости среди болот, которые начинались в двадцати лонах от Менса и тянулись далее к востоку. Так появился Юлих — сперва деревянный.

Пираты бесчинствовали еще тридцать лет, порой дотла выжигая юго-западный берег острова Ленц, но далеко от моря отходить не решались: Юлих рос, став каменной крепостью, а потом и городом посреди осушенных болот, и город этот мог выставить весьма достойное войско. Гнилое Ухо сделал новую крепость своей постоянной резиденцией, пожаловав его первым строителям «дурные земли» вокруг, а потом, добившись на то особого разрешения Трона, издал ряд указов, которые давали невиданные привилегии людям ремесла и торговцам, готовым осесть в Юлихе навсегда. «Уложения Эрна» действовали восемь столетий, превратив город в один из крупнейших центров Средней Пеллии, — а отменили их тогда, когда прежняя традиция поместных поборов ушла навсегда и началась новая, более свободная эра.

Старинная крепость, построенная на возвышенности, сейчас вздымалась над тысячами крыш и храмовых шпилей, выстроившихся причудливым кривоватым лабиринтом вокруг ее высоченных бастионов. Дорога из Менса, превратившегося со временем в крупный порт, постепенно таяла в ремесленных пригородах, а потом и вовсе исчезала на одной из круговых площадей, застроенной шести-семиэтажными складскими зданиями.

Посреди этой самой площади странный всадник на ломовике остановился и некоторое время с задумчиво-

стью смотрел в сторону севера, где солнце ярко играло флюгером на Почтовой башне.

— Туда, — неторопливо разлепил он тонкие губы и махнул рукой своему юному спутнику.

Кони снова двинулись вперед — теперь копыта мерно стучали по бугристой брусчатке какого-то переулка. Не доезжая немного до Почтовой башни, мужчина свернул направо и скоро остановился у трехэтажного дома с высокими воротами. Здесь он наконец спешился и, подойдя к воротам, уверенно нашел в них небольшую калитку. Рядом с калиткой висел бронзовый дверной молоток.

На третий удар за воротами послышались тяжелые шаркающие шаги, и калитка чуть приотворилась. Худошавый встал так, чтобы его было лучше видно, и на лице его появилась странноватая, будто у недоумка, улыбочка.

— Арвел... — удивленно выдохнули за воротами. — Ты?!

— Отпирай, Тимбур. Мы с Дали измучились дорогой и очень хотим есть. Выпить, впрочем, я тоже не откажусь...

Ворота уже скрипели тяжелыми чугунными петлями, смазывать которые хозяева явно ленились. Когда обе створки распахнулись, на улицу вышел приземистый мужчина лет сорока, с крупными, даже грубыми чертами лица, одетый, однако, как небогатый дворянин. Не говоря ни слова, он ввел во двор тяжеловозов, посторонился, пропуская вторую пару лошадей, и только потом с размаху ударил худошавого ладонью в грудь — да так, что не будь на том панциря, ему пришлось бы несладко.

— Арвел, — повторил он. — Арвел Хадден, ха-ха!

— Закрывай ворота, старый ты окорок, — ответил ему гость, явно довольный оказанным приемом. — Честно сказать, я боялся не застать тебя.

— А-аа, что мне делается? Таких, как я, ни плеть не сечет, ни пуля не берет. Хотя времена нынче — сам знаешь.

Юный спутник Хаддена легко спрыгнул с коня и, сняв свой шлем, вдруг оказался девушкой с тонкими чертами лица, стриженной, однако ж, под мальчишку. Повернувшись к хозяину, она изящно поклонилась и протянула ему правую руку, на что тот ответил вежливым кивком и открытой ладонью, которой девушка слегка коснулась пальцами.

— Старина Тимбур не из простых, — хихикнул Арвел, — и этикету обучался отнюдь не на конюшне. Это — Дали, друг мой. Пока — просто Дали. Пока — так...

— Все понимаю, — так же вежливо ответил Тимбур. — И рот мой замкнут печатью. Но! Скажите, о владетели, что мне приготовить в первую очередь: баню с дороги или все же обед?

— Обед, — решительно заявил Арвел Хадден. — На корабле нас кормили хуже некуда, а те запасы солений и колбас, что я прихватил с собой, кончились уже давно. В Менсе мы завтракать не стали — было слишком рано, и давиться тушеной рыбой в ночной харчевне не хотелось. Дали обещала выдержать дорогу, да вот, кажется, уже проголодалась до смерти.

Двое слуг помогли Хаддену снять с лошадей множество вьюков, некоторые из которых оказались очень тяжелыми, и подняли их в комнаты на втором этаже, где хозяин разместил своих неожиданных гостей. Дали тем временем наскоро умылась и переделалась в простое синее платье до щиколоток — не забыв, впрочем, о поясе с длинным дамским кинжалом старинной работы. Хадден, избавившись от панциря и стеганого жилета под ним, остался в белой сорочке и кожаных штанах с накладными пистолетными карманами на бедрах. Вскоре они с девушкой спустились вниз, ибо, судя по звукам,

доносившимся из столовой залы этого большого купеческого дома, приготовления к обеду заканчивались.

Тимбур ждал их в дверях.

— Супруга моя Лита уехала молиться на остров Фирс, — сказал он, учтиво беря девушку под локоть, — прихватив с собой дочерей. А сын уже три года на королевской службе в море.

— Я слышал, что Витмор пошел на флот, — кивнул Арвел. — В прошлом году я виделся с Брагом Деером. Он тогда служил казначеем у князя Риввета. Недурная карьера для сына земельного поверенного? Думаю, сейчас он уже болтается поближе к столице.

— Не сомневаюсь, — фыркнул Тимбур.

Сам он сел, как полагалось человеку из старой семьи, с правого края полукруглого стола, а гостей своих посадил посередине. Долговязый слуга раскупорил несколько кувшинов, другой — разлил по чашам ароматный суп из кореньев.

— Вот это да, — вздохнул Арвел. — Впрочем, в доме твоего отца всегда умели и приготовить, и подать. Отбрось стеснение, Дали. Сейчас церемонии не имеют значения.

Девушка ответила ему улыбкой, но все же не прикоснулась к ложке до тех пор, пока хозяин не выпил с гостями за встречу.

— Да, времена пришли ненастные, — задумчиво произнес Тимбур и взмахом руки отправил прочь слуг. — Многие из нашей старой компании вернулись домой, а ведь кое-кто имел неплохую службу. А тут... Впрочем, говорят, будто война скоро начнется снова.

— Сторону Трона держит немало людей с тугим кошельком, — хмыкнул в ответ Арвел. — И почти все они считают, что пока еще не получили того, о чем мечтали. Противоположная сторона находится в такой же точно ситуации. Так что... Впрочем, я не стал бы делать скоро-

палительных выводов. С чисто военной точки зрения Южной Звезде война не выгодна. Их ресурсы тают — да, возможна помощь Ла-Велле, однако чем за нее придется расплачиваться?

— Ну, Юлих уже расплатился за все сполна.

— В смысле?

— Мы получили в наместники князя Тренка.

— Та-ак...

Хадден отставил в сторону опустевшую чашу, придвинул к себе тарелку с мясной запеканкой и застыл в глубокой задумчивости.

— И дела, наверное, идут хуже, чем можно было себе представить? — спросил он через некоторое время.

— Пожалуй, да, — кивнул Тимбур. — Слухи о том, что его совершенно не интересуют деньги, подтвердились полностью. Его интересуют только казни. Не спорю, Юлих нельзя назвать городом, абсолютно лояльным нынешнему нашему королю, но все же открытых проявлений мятежа у нас не было и нет.

— Кого он казнил первым?

— Старого Финча, главу Торговой коллегии. Старика пытались выкупить, но дело закончилось тем, что Тренк засек до смерти нескольких поверенных, которые хотели говорить с ним. Король от Тренка в полном восторге, так что сделать тут нельзя ничего. Многие бегут из города, Арвел, и скажи мне, когда такое было? Когда бежали не в Юлих, а, наоборот, из Юлиха?

— Такого я не помню.

— Такого никто не помнит. Но, повторяю, сделать ничего нельзя. Коль так — и говорить о том не стоит. Расскажи мне лучше, чем ты занимался все эти годы? Кое-какие слухи до нас доходили, но...

— Я понимаю... Я служил, — поднял глаза Хадден. — Служил Трону, служил разным владельцам, которые желали иметь у себя толкового инженера. Все это время я,

конечно же, учился. Заработав немного денег, я отправлялся к разным профессорам и наставникам. На свете много интереснейших вещей — это я понял еще в университете, и с тех пор поиск новых знаний не дает мне ни секунды покоя...

Тимбур молча покачал головой. Арвел Хадден смотрел на старого друга с улыбкой, догадываясь, о чем тот сейчас думает.

— Ты всегда был немного странным, — выдавил наконец Тимбур и налил гостям вина.

— Я угадал, — пробормотал себе под нос Арвел. — Как бывало и всегда...

— Что ты говоришь? — нахмурился Тимбур.

— А, ничего. Расскажи лучше, как у тебя идут дела?

— Дела? — поднял брови Тимбур. — Дела у меня от силы раза три в неделю, а скоро и тех не останется. Много ли народу ты видел на дороге из порта?

— Две-три фуры: дорога безлюдна, а народ в окрестных селах перепуган до смерти. В Доркале — а ведь богатый хутор — меня ждали с алебардами, но когда я проехал мимо, трогать не стали. Испуганы были: в любом всаднике им чудится какой-то подвох. Вот уж точно — никогда такого не было.

— Не было, — эхом повторил хозяин. — А скоро так вообще ничего не будет. Не останется... И дома, и цеха, и склады — хозяева продают за гроши, вот только покупателей не видно. Торговцы обходят Юлих стороной, нет у нас больше ни хлопка, ни шерсти, ни железа. Хорошо хоть уголь еще завоза, да зерна хватает. Хотя если дальше так пойдет, окрестные земледельцы поднимут настоящий бунт. Они век от века жили полем и торговлей — а что теперь? Трон требует податей, но платить их нечем, потому что Тренк уничтожил всю торговлю в Юлихе, а везти злаки, овощи и скот на побережье самостоятельно они не могут, нет у них таких фур, да и не-

когда. Кое-кто выкручивается, конечно: собираются пятью семьями, посылают старших сыновей, да вот не у всех выходит. Не их это дело, и купить же им теперь нечего: все, абсолютно все они покупали у нас, и все были довольны.

Тимбур снова замолк, и тут Хадден увидел, что его немного трясет. Арвел хотел найти какой-то ответ на гневную речь друга, но — не смог. Город своего детства он помнил совсем другим: порой туманным, зимой отчаянно дождливым и, однако ж, зеленым, наполненным солнечной суетой, деловитой и веселой одновременно, что отличает те города, в которых у людей получается все, за что бы они ни брались. Юлих шумел рынками, грохотал молотками оружейников, изделия которых расходились по всей Пеллии; здесь работали искусные мастера-каретники, готовые выполнить любой, самый сложный заказ благородного владельца, а шерстяные ткани, выделяемые в сотнях цехов на западной окраине, заезжие купцы отрывали буквально с руками, и жители его, великие трудяги, а местами порядочные обормоты, время для улыбки находили всегда.

Юлих же нынешний, почти не пострадавший от двадцати лет войны, которую историки уже успели назвать Династической, — улыбку свою потерял.

Двор за окном, с амбарами и несколькими фруктовыми деревьями, постепенно окрасился в густо-желтый колер заката. Поговорив еще немного со своим другом, Арвел устало вздохнул и попросил прощения:

— Дали засыпает, старина. Мы сели на коней еще до рассвета...

— Да-да, — Тимбур поспешно встал. — Заболтал я тебя. У нас еще будет, я надеюсь, время для разговоров. Сейчас я приготовлю вам баню.

— Мы уезжаем не завтра...

Когда девушка, сбросив с себя мягчайший шерстяной халат, юркнула под одеяло, Хадден уселся возле окна, и взгляд его скоро застыл, будто у мертвого.

Голос Дали вырвал его из реки грез:

— Мне понравился твой друг. Кажется, он человек надежный.

— Настолько, насколько может быть надежен человек в наше время, — ответил Арвел.

Подойдя к большой деревянной кровати, он поднял край теплого одеяла и лег рядом с девушкой. Дали закрыла глаза: через несколько мгновений Арвел Хадден понял, что она спит.

* * *

Утром, оставив сонную Дали на попечение служанки, Арвел наскоро позавтракал и вышел в город. Оделся он очень скромно: шерстяная серая куртка до колен, простые холщовые штаны да грубые башмаки. На голове у него криво сидела мягкая шляпа с отвисшими широкими полями, явно выдававшая виды.

Про зеленый значок инженера он, однако ж, не забыл.

Южный ветер окончательно прогнал туман, и в узких переулках, что вели его к Почтовой башне, дышалось легко и как-то по-весеннему звонко. Почтенные мамыши распахивали окна — впервые, наверное, после зимних ливней, — и, смеясь, переговаривались с соседками. Несколько учеников-подмастерьев, одетых в чистые, превеличенно аккуратные курточки и короткие штаны, спешили, гремя каблуками, в свои цеха. Арвел медленно шел по переулку, глядя, как флюгер на башне становится все ближе, и пытался вспомнить, кого из соучеников, с которыми тридцать лет тому он штурмовал здешние сады, а порою — и кондитерские лавки, ему случилось встретить за эти проклятые военные годы.